

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.091

Р. Л. Красильников

О ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ТАНАТОЛОГИИ

Рассматриваются теория и история танатологического направления в литературоведении. Дается критический обзор основополагающих зарубежных и российских работ, стремящихся решить проблемы предмета и метода в этой сфере. Определяются достижения литературоведческой танатологии, и ставятся задачи для дальнейших исследований.

Ключевые слова: танатология, танатопэтика, Танатос, тема смерти, теория литературы.

Проблема смерти стара как мир. Человек пытается разгадать тайну смерти на протяжении многих веков начиная с древней мифологии, используя с этой целью религию, философию и научные достижения.

Данная ситуация напоминает процесс эпистемологической самоидентификации гуманитарных наук: та же неопределенность, бесконечность познавательных горизонтов, неокончателность выводов, представленная в образе герменевтического круга, в итоге — ощущение своей «ущербности» по сравнению с достижениями и методологией естественных дисциплин. Однако ни технический прогресс, ни эволюция медицины, физики или химии не отменили необходимость гуманитарного знания, так как оно составляет основу духовной природы человека, которую нельзя представить в виде уравнений и формул.

Точно так же невозможно понять или вычислить и смерть индивида. Несмотря на то, что естественные науки внесли весомый вклад в изучение танатологических проблем, время и причины кончины человека, а главное, его отношение к смерти не поддаются расчетам и измерению. В определенный момент на передний план неизбежно выходят гуманитарное знание и накопленная в его рамках философская, религиозная, историко-антропологическая и художественная рефлексия.

В развитии танатологии как науки о смерти условно можно выделить три этапа. Безусловно, осмысление танатологических проблем началось еще в древности, в рамках различных мифологических и религиозных, затем философских и художественных парадигм, но о целенаправленном, систематическом изучении этого вопроса можно говорить лишь применительно к началу XX в., когда это становится объектом пристального внимания медиков и психоаналитиков. Примечательно, что данный интерес был во многом обусловлен литературой. И. Мечников, считающийся основателем медицинской геронтологии и танатологии, писал о возмущении графа Толстого теми учеными, которые «изучают разные бесполезные, по его мнению, вопросы (как, например, мир насекомых, строение тканей и клеток) и не в состоянии выяснить ни судеб человеческих, ни того, что такое смерть!» [Мечников, 90]. В 1925 г. ученик И. Мечникова Г. Шор опубликовал работу «О смерти человека (введение в танатологию)», где обосновал новую дисциплину с медицинской точки зрения, определив ее как «учение о признаках, о динамике и о статике смерти», ввел в научный оборот такие термины, как танатолог, танатологическое мышление, танатологические задачи, танатогенез, и призвал представителей различных научных дисциплин приступить к разработке танатологической проблемы [см.: Шор, 19, 260].

К первому этапу развития танатологии следует также отнести психоаналитические исследования 1910–1920-х гг. Здесь в центре внимания оказался инстинкт смерти, или Танатос, который можно считать первым объектом гуманитарной ветви танатологии. Согласно Ж. Лапланшу и Ж.-Б. Понталису, «в текстах Фрейда термин “Танатос” не встречается, однако, по свидетельству Джонса, Фрейду случалось употреблять его устно. В психоаналитическую литературу он был введен Федерном» [Лапланш, Понталис, 515]. В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) З. Фрейд характеризовал влечение к смерти как консервативное бессознательное стремление любого организма к неорганическому, «исходному состоянию, которое живое существо однажды оставило и к которому стремится обратно всеми окольными путями развития» [Фрейд, 1990, 405]. Австрийский ученый применял данный термин при интерпретации произведений мировой литературы. Например, в статье «Мотив выбора ларца» (1913) он считал выбор между тремя предметами в различных текстах танатологически детерминированным [см.: Фрейд, 2002, 39].

Второй этап развития танатологии условно можно обозначить периодом 1950–1970-х гг., когда проблема смерти стала объектом междисциплинарных исследований в западной науке: к примеру, в 1959 г. вышел сборник «Значение смерти», объединивший в себе работы медиков, психоаналитиков, психологов, философов и искусствоведов — К. Г. Юнга, П. Тиллиха, Г. Маркузе, В. Кауфмана, Р. Кастенбаума, Э. Шнейдмана и др. [см.: *The Meaning of Death*]. Появилось большое количество трудов, определивших дальнейшее развитие естественно-научной и гуманитарной танатологии, в том числе фундаментальные работы В. Янкелевича «Смерть» (1966) и Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти» (1977) [см.: Янкелевич; Арьес]. Были созданы специальные организации, занимающиеся танатологическими проблемами: Фонд танатологии (1968), Ассоциация образования и консультирования по вопросам смерти (1976) и др.

В дальнейшем зарубежная танатология развивалась перманентно и поступательно, поэтому третий этап эволюции танатологии (рубеж XX–XXI вв.) прежде всего связан с возникновением и активным развитием танатологии в России. Организуется Санкт-Петербургское общество танатологических исследований, публикуются труды иностранных и отечественных авторов, в том числе «Танатология — наука о смерти» С. Рязанцева [1994] и «Дискурсы смерти. Введение в философскую танатологию» А. Демичева [1997]. Понятие «танатология» постепенно получает специфическую трактовку как «философский опыт описания феномена смерти» [Исупов, 245], «одна из главных тем персонологии» [Тульчинский, 392]. Так, подобно психологии, синтаксису или антропологии, этот термин стал обозначать не только саму научную дисциплину, но и объект ее изучения: танатология стала «наукой о танатологии» как общекультурном опыте осмысления феномена смерти [см.: Красильников, 20]. Следовательно, в филологии необходимо отличать литературоведческую танатологию (танатологическое литературоведение, танатологически ориентированное литературоведение) как научную дисциплину и литературную танатологию (литературный опыт осмысления феномена смерти) как объект ее изучения.

Начало XXI в. знаменуется стремлением специфицировать танатологическое знание в литературоведении. Здесь можно выделить два разнонаправленных эпистемологических вектора: с одной стороны, литературоведение становится все более междисциплинарным, что позволяет применять относительно художественной литературы наработки из смежных гуманитарных дисциплин; с другой — литературное произведение как специфическая (линейно-временная, фиксированная, вербальная, авторская, исторически и культурно обусловленная) знаковая система не может не обладать особыми законами воплощения танатологических элементов.

Безусловно, изучение проблемы смерти в литературоведении имеет глубокую традицию. И прежде всего это исследования семантики смерти в творчестве различных писателей, в первую очередь эксплицитно выразивших свой интерес к данной проблеме. Большую часть таких исследований составляют работы, посвященные проблеме смерти в произведениях А. Пушкина, Л. Толстого, И. Бунина и др. Они вполне вписываются в наиболее распространенную среди литературоведов герменевтическую стратегию анализа текста, основанную на интерпретативных практиках, репрезентируемых в конструкциях «смерть в творчестве автора — это...», «смерть как...». Основное место в подобных работах занимает определение структуры означаемого, его содержания и объема. Одним из инструментов упорядочивания полученных результатов является попытка наметить эволюцию писательской трактовки образа, соотнесение ее с жизненным путем автора. Интерпретация осуществляется не только с помощью первичных источников-текстов, но и сопоставлением изучаемой танатологической парадигмы с творчеством других писателей, цитированием источников личного происхождения (письма, дневники, мемуары), публицистики, авторитетной прижизненной критики и пр. Наиболее ярким и «совершенным»

примером семантического исследования, на наш взгляд, является работа П. Бицилли «Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого» (1928) [см.: Бицилли].

В указанных исследованиях заявляется, наверное, самый очевидный предмет изучения литературоведческой танатологии — танатологическая семантика, традиционно репрезентированная терминами «тема смерти», «проблема смерти», «концепция смерти», «мотив смерти», «категория смерти» и пр. Употребление данных понятий имеет некоторые нюансы, однако их объединяет одно — приоритет анализа означаемого, герменевтические процедуры понимания (интерпретации), интроспекции и эмпатии, а иногда использование техники комментария. Подобная стратегия осмысления произведения не является литературно специфической, так как в этом же ключе танатологическая семантика исследуется в других гуманитарных дисциплинах — философии, искусствознании, киноведении, театроведении, истории, этнографии, исторической антропологии, религиоведении, когнитивной лингвистике и т. д. Именно поэтому для представителей данных дисциплин художественная литература часто становится источником, иллюстрирующим результаты их разработок.

Нисколько не умаляя значимость семантического подхода к проблеме смерти, много дающего для осмысления авторской идеологии, сделаем акцент на специфическом предмете литературоведческой танатологии — поэтике литературного произведения. Естественно, невозможно четко определить, где кончается семантика и начинается поэтика, поскольку эти аспекты художественного текста находятся в тесной взаимосвязи. Тем не менее при анализе поэтики на первый план выходит не означаемое, а означающее — выражение семантики произведения через его структуру, сюжет и мотивы, композиционно-нарративные приемы, персонажные, пространственно-временные и предметные образы, стилистические и языковые особенности и т. п.

Необходимо констатировать, что литературоведение стоит в самом начале пути изучения танатологической поэтики, и это объясняет недостаточную разработанность проблемы функционирования отдельных мотивов вообще. Можно предположить, что количество мотивов является ограниченным подобно сферам деятельности и существования человека и каждому из них свойственны определенные закономерности в области семантики, поэтики и прагматики.

Одним из первых ученых, обративших внимание на особенности танатологической поэтики, был М. Бахтин, выделивший в своих «Заметках» 1961 г. два способа изображения смерти: «смерть извне» и «смерть изнутри»: «Причем — и это очень характерно — смерть он [Толстой] изображает не только извне, но изнутри, т. е. из самого сознания умирающего человека, почти как факт этого сознания. Его интересует смерть для себя, т. е. для самого умирающего, а не для других, для тех, которые остаются. <...> Достоевский никогда не изображает смерть изнутри. Агонию и смерть наблюдают другие. Смерть не может быть фактом самого сознания. <...> Сознание по самой природе своей не может иметь осознанного же (т. е. завершающего сознание) начала и конца, находящегося в ряду сознания как последний его член, сделанный из того же матери-

ала, что и остальные моменты сознания» [Бахтин, 347]. В свете современной нарратологии эти способы изображения соответствуют различным нарративным инстанциям — автору и повествователю. Идею Бахтина следует уточнить: танатологическое повествование оформляется с помощью трех композиционно-нарратологических приемов: 1) с позиции умирающего повествователя («умирание изнутри», умирание Андрея Болконского в «Войне и мире» Л. Толстого), 2) наблюдающего автора («смерть извне», смерть Мармеладова в «Преступлении и наказании» Ф. Достоевского) и 3) наблюдающего повествователя («смерти извне/изнутри», смерть Харлова в «Степном короле Лире» И. Тургенева). Как видим, в литературе существуют определенные ограничения в описании самого момента смерти и посмертного состояния: здесь приоритетно использование внешней нарративной инстанции, иначе модальность текста трансформируется из реально-миметической в ирреально-фантастическую («Сон» М. Лермонтова).

Много внимания танатологической поэтике уделял в своих работах Ю. Лотман. В статье «Смерть как проблема сюжета» (1992) он сопоставляет «особую смысловую роль смерти в жизни человека» с «доминантной ролью начал и концов, особенно последних» [Лотман, 417–418], кончину — с литературной концовкой. Ю. Лотман, работая в свойственном ему ключе на стыке литературоведения и культурологии, выявляет различные этапы и способы «борьбы с концами», такие как мифологическая и фольклорная циклическая модель; проблематизация жизненного и литературного финала вместе с рождением исторического линейного сознания; религиозное преодоление смерти («смертью смерть поправ»); победа над смертью через осознанное самоубийство. По мысли ученого, условность литературы (как и культуры в целом), умение писателя заглядывать в будущее, предлагать в тексте различные варианты дальнейшего развития событий приводят к тому, что «литературное произведение, вводя в сюжетный план тему смерти, фактически должно при этом подвергнуть ее отрицанию» [Там же, 422]. Данный тезис явно перекликается с идеей творческого бессмертия, издревле волновавшей и привлекавшей многих сочинителей.

В рассуждениях Ю. Лотмана о возможности писателя ставить читателя перед «пучком» расходящихся сюжетных траекторий фактически речь идет о сюжетогенерирующей функции, нетипичной, казалось бы, для танатологических мотивов, обычно завершающих сюжетную линию. С. Гринева, анализируя роман Ф. Достоевского «Преступление и наказание», называет факт смерти персонажа «сюжетообразующим центром романа, вокруг которого циклируют все прямые и побочные его проблемы» [Гринева, 26]. Таким образом, возникает еще одна проблема, способная представлять интерес для литературоведческой танатологии, — место и роль танатологических мотивов в сюжете произведения.

Современное литературоведение уже довольно-таки свободно использует танатологическую терминологию. В 2002 г. появляется исследование Ю. Семикиной, содержащее в своем названии термин «танатология»; под объектом работы понимаются «художественные инверсии танатоса в философско-религиозной и этико-социальной проекциях, своеобразное “искусство умирания”

(*ars moriendi*), выраженное средствами литературы», а под предметом — «эстетика и поэтика смерти в творчестве Л. Н. Толстого, нашедшие выражение в комплексе взаимосвязанных танатологических мотивов и образов, их генезис и трансформация» [Семикина, 6–7]. Несмотря на то, что некоторые терминологические выражения в данных определениях вызывают вопрос («художественные инверсии танатоса», «поэтика смерти»), а также то, что в данной работе не учитывались достижения гуманитарной танатологии (в качестве научной дисциплины она даже не упоминается), диссертация представляет несомненный интерес прежде всего как опыт системного исследования танатологической семантики и поэтики в творчестве одного писателя.

Примечательно, что практически одновременно необходимость спецификации литературоведческой танатологии почувствовали и зарубежные исследователи. В 2006 г. в Мюнхене состоялась конференция «Танатология, танатопэтика, смерть поэта, поэт смерти», а в 2007 г. был опубликован сборник ее материалов, который открывает статья А. Ханзена-Лёве «Основные черты танатопэтики». Необходимо отметить, что термин *танатопэтика* А. Ханзен-Лёве использовал еще раньше (например, в работе «Танатопэтика Манделъштама», 1993): «...В мире поэтики и мировоззрения Манделъштама смерть занимает настолько доминирующее положение, что это позволяет нам говорить о танатопэтике» [Hansen-Löve, 1993, 121–122]. В статье 2007 г. он вписывает танатопэтику в широкий философский контекст и одновременно имплицитно выделяет ее из общего танатологического дискурса как специфическую область: при анализе философских и эстетических трудов он использует термин «танатология», применительно же к литературе говорит о «танатопэтике».

А. Ханзен-Лёве, вслед за К. Харт Ниббригом, отмечает: «Согласно специфической семиотической точке зрения умирание показывается как всеобщее означающее без означаемого и, с точностью до наоборот, смерть показывается как означаемое без означающего» [Hansen-Löve, 2007, 7]. Он подчеркивает, что танатологический процесс представляет собой движение к отрицанию, в художественном творчестве — к неизобразимости или изобразимости через негативацию. Эта «негативная эстетика» восходит к апофатическому богословию Дионисия Ареопагита, видевшего единственный путь к пониманию/описанию Бога через отрицание признаков, не присущих ему. Смерть, как и Бог, является тайной, о которой человек больше молчит, чем говорит. Поэтому главный вопрос, который решают танатологи-исследователи, — как можно говорить о молчании, или как можно изучать молчание.

Вместе с тем именно эстетическая экспликация смерти, несмотря на ее перманентную семиотическую неполноценность, о которой писалось выше (при умирании отсутствует означаемое, при смерти — означающее), является основным источником и даже методом осмысления кончины. А. Ханзен-Лёве замечает, что философы зачастую редуцируют писательскую танатопэтику, что приводит их к радикализации танатологии, абсолютизации смертельного ужаса и смертельной пустоты [см.: Hansen-Löve, 2007, 10–11].

Увлекаясь, с одной стороны, анализом философской танатологии, с другой — конкретных художественных систем, А. Ханзен-Лёве, к сожалению, так и

не дает четкого определения танатопэтики, что вполне свойственно его оригинальному стилю изложения, где сливаются в единый конгломерат энциклопедические знания и ассоциативность мышления. Охватывает ли танатопэтика проблемы танатологической семантики и прагматики? Что является предметом ее изучения? По разборам «от Пушкина до Чехова» становится ясно, что результаты танатопэтического исследования зависят от особенностей творческого мира того или иного автора, что закономерно с эстетической, но не с методологической точки зрения. Из характерных черт статьи А. Ханзена-Лёве можно отметить постоянную апелляцию к культурологическим идеям (дионисийство, культурная память, эсхатологизм), которые позволяют поднять конкретную художественную систему до уровня общечеловеческой программы, основанной на мифологии и архетипике. Литературовед внимательно относится к эстетическим парадигмам эпохи (романтическим, реалистическим), их жанровым предпочтениям (кладбищенская элегия, готический роман), обуславливая тем самым авторскую стратегию творчества и жизни.

«Танатопэтика» А. Ханзена-Лёве несомненно представляет собой оригинальную концепцию, которая, правда, чрезвычайно трудна для ее воспроизведения другими учеными, что вряд ли способствует ее распространению и развитию. Она демонстрирует важность междисциплинарных связей в интерпретационных практиках, системного исследования художественных систем. Однако сам термин «танатопэтика» отражает специфический, но лишь формальный аспект литературы, тогда как понятие «танатология» охватывает весь спектр танатологических проблем, способных заинтересовать литературоведа, — семантических и прагматических, синтагматических и парадигматических.

В заключение отметим, что из огромного количества работ в области литературоведческой танатологии в данной статье были рассмотрены только те, которые можно считать определяющими для развития этого направления. В то же время нельзя согласиться с мнением о том, что Россия переживает сейчас «танатологический бум». Ученых, планомерно занимающихся танатологией, по-прежнему мало (очевидно, в связи со спецификой изучаемого предмета). А тот танатологический опыт, который накоплен в литературе и литературоведении, пока не систематизирован должным образом. Среди других задач литературоведческой танатологии следует отметить следующие: определение предмета литературоведческой танатологии; изучение танатологической проблематики и танатологических элементов на всех уровнях литературного произведения; исследование генезиса литературных элементов и форм, связанных с танатологической проблематикой; анализ возможностей использования в литературоведении опыта осмысления смерти из других областей человеческого знания; трансляция литературного опыта осмысления смерти в другие области человеческого знания и человеческой деятельности.

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.

Бахтин М. М. 1961 год. Заметки // Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. М., 1997. С. 329–360.

Биццлли П. М. Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого // Лев Толстой: pro et

сонтра. Личность и творчества Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2000. С. 473–499.

Гринева С. П. Факт смерти в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» как сюжетобразующий элемент // Проблематика смерти в естественных и гуманитарных науках. Белгород, 2000. С. 23–26.

Демичев А. В. Дискурсы смерти. Введение в философскую танатологию. СПб., 1997.

Исупов К. Г. Танатология // Культурология, XX век : энциклопедия : в 2 т. Т. 2. СПб., 1998. С. 245–246.

Красильников Р. Л. Образ смерти в литературном произведении : модели и уровни анализа. Вологда, 2007.

Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М., 1996.

Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 417–430.

Мечников И. И. Этюды оптимизма. М., 1987.

Рязанцев С. Танатология — наука о смерти. СПб., 1994.

Семикина Ю. Г. Художественная танатология в творчестве Л. Н. Толстого 1850–1880-х годов: образы и мотивы : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.

Тульчинский Г. Л. Танатология // Проективный философский словарь. Новые термины и понятия. СПб., 2003. С. 392–397.

Фрейд З. Мотив выбора ларца // Классический психоанализ и художественная литература. СПб., 2002. С. 35–46.

Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990. С. 382–424.

Шор Г. В. О смерти человека : (введение в танатологию). СПб., 2002.

Янкевич В. Смерть. М., 1999.

Hansen-Löve A. A. Grundzüge einer Thanatopoetik. Russische Biespiele von Puškin bis Èechov // Thanatologien, Thanatopoetik, der Tod des Dichters, Dichter des Todes : Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 60. München ; Wien ; Bamberg, 2007. P. 7–78.

Hansen-Löve A. A. Mandel'schtam's Thanatopoetics // Reading in Russian Modernism. М., 1993. P. 121–157.

The Meaning of Death / ed. H. Feifel. N. Y., 1965.

Статья поступила в редакцию 16.01.2009 г.